

Марина Шульга

## ОРИЕНТАЛИЗМ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦІЙ

*У статті розглядається діалог цивілізацій, як він передбачений у межах дискурсу орієнталізму. Робиться висновок, що зазначеному дискурсу властиво обмежувати діалог цивілізацій завданнями взаємного культурного збагачення та виокремлення і просування універсальних людських цінностей. Питання ж про підстави визнання тих чи інших цінностей універсальним орієнталізмом оминається, внаслідок чого термін «діалог цивілізацій» може втратити свою милозвучність і перетворитися на евфемізм.*

**Ключові слова:** діалог цивілізацій, дискурс орієнталізму, орієнтал та орієнталіст, універсалізм.

***Shulga M. Orientalism and dialogue of civilizations.*** The information given in the article concerns the dialogue among civilizations as it is provided within the discourse of Orientalism. The conclusion is drawn that this discourse tends to limit the dialogue among civilizations by the tasks of mutual cultural enrichment and separation and promotion of

*universal human values. The question about the reasons of the recognition of certain universal values by the Orientalism is ignored, thus the term «dialogue among civilizations» may lose its sonority and becomes an euphemism.*

**Key words:** *dialogue among civilizations, the discourse of Orientalism, Oriental and Orientalist, universalism.*

Под диалогом принято понимать форму коммуникации, специфика которой состоит в попеременной смене ролей коммуникатора и реципиента. При этом сам диалог обязательно выстраивается в соответствии с принципом кооперации, требующим, чтобы коммуникативный вклад на каждом этапе диалога соответствовал совместно согласованной его цели. Иными словами, диалог как коммуникативное действие не просто существует в виде обмена высказываниями «по поводу», но и позволяет определять назревшие проблемы общественного развития и уяснять оптимальные и приемлемые способы их решения. Так, согласно Юргену Хабермасу, коммуникативными считаются действия, участники которых согласовывают и координируют планы своих действий, предлагая друг другу значения и смыслы с целью обмена информацией. И если в стратегическом действии индивиды влияют друг на друга эмпирически, с помощью санкций или перспектив вознаграждения, то в коммуникативном действии они указывают друг другу рациональные мотивы присоединиться к ним. Сами же эти мотивы подкрепляются с их стороны гарантией, что в случае необходимости они будут прилагать все усилия для того, чтобы обеспечить значимость предлагаемой претензии либо за счёт приведения нужных оснований, либо за счёт демонстрации соответствующего поведения [См. : 11].

В Статье 2 «Глобальной повестки дня для диалога между цивилизациями» к таким «рациональным мотивам» отнесены:

- содействие всеобщему участию, равноправию, равенству, справедливости и терпимости в отношениях между людьми;
- укрепление взаимопонимания и взаимного уважения с помощью взаимодействия между цивилизациями;
- взаимное обогащение и развитие знаний, а также понимание богатства и мудрости всех цивилизаций;

– выявление и поощрение того, что объединяет цивилизации, в целях устранения общих угроз для единых ценностей, универсальных прав человека и достижений человеческого общества в различных областях;

– поощрение и защита всех прав человека и основных свобод и достижение более глубокого общего понимания прав человека;

– содействие более глубокому пониманию общих этических стандартов и универсальных человеческих ценностей;

– обеспечение более высокой степени уважения культурного разнообразия и культурного наследия [2].

В свою очередь, «демонстрация соответствующего поведения» предполагает организацию таких мероприятий, как поездки в учебных целях, культурные фестивали, программы обмена в сфере образования, совместные проекты научных исследований и конференции [2, Статья 9]. Все это и призвано обеспечить «всеобщее участие и коллективное желание учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога» [2, Статья 1]. Как видим, «диалог цивилизаций» – это довольно насыщенная в содержательном плане программа действий, которая сама по себе является достаточно весомым «рациональным мотивом», чтобы к ней присоединиться. Кто же будет против «приверженности всеобщему участию, сотрудничеству и поиску взаимопонимания как к средствам продвижения общих ценностей»? Но вот парадокс. Ведь «диалог цивилизаций» призван лишь только «выявлять сферы общего понимания и основные ценности». На каком же основании последние будут определяться как «общие ценности» и продвигаться в качестве таковых?

Ю. Хабермас подметил, что время от времени в коммуникативных действиях возникают вопросы, ставящие под сомнение внутренние претензии на значимость самих высказываний и, как таковые, требующие указания на основания такой значимости. Это означает, пишет Ю. Хабермас, что то, что до сих пор признавалось несомненным фактом или нормой, теперь может не иметь места, оказаться как действенным, так и недейственным [12, с. 168]. Соответственно, претензии на значимость могут лишиться своей проблематичности

не путём подкрепления их какими-то гарантиями, а только путём дискурса, в рамках которого эти претензии не только получают поддержку в виде тех или иных оснований, но и критерии рациональности, дающие этим основаниям вес, становясь предметом обсуждения. «Раскрытие скрытых аргументов, скрывающихся в каждом понятии, помогает понять и, возможно, решить возникающие конфликты» [10, с. 19]. Иначе говоря, пишет Ю. Хабермас, только в дискурсе можно получить ответ на вопрос о том, что именно мешает взаимодействию [11, с. 87]. И это потому, что только в дискурсе индивид вместо того, чтобы приписывать остальным в качестве обязательной некоторую максиму, которую он хотел бы сделать всеобщим законом, должен предложить свою максиму всем остальным для дискурсивной проверки ее претензии на универсальность. Акцент при этом смещается с того, что каждый может, не встречая возражений со стороны других, желать в качестве всеобщего закона, на то, что все, в согласии друг с другом, желают признать в качестве универсальной нормы [12, с. 107]. «Дискурсивное обоснование превращает толкование в интерпретацию, утверждения в предложение, объяснение в теоретическое объяснение и оправдание в теоретическое оправдание» [11, с. 87].

Тем самым начавшись как диалог, коммуникативное действие необходимо становится дискурсом в момент возникновения сомнения по поводу правомерности претензий его участников на значимость и универсальность своих высказываний. «Это не просто диалог, а форма коллективной рефлексии и реконструкции проблематичных предположений, которые выявляются, обсуждаются и таким образом принимаются или отклоняются в процессе аргументативной деятельности» [12, с. 327–328]. В этом смысле Эдвард Саид отмечает, что универсальные принципы свободы, несомненно, существуют и должны быть приняты всеми остальными. Проблема заключается в возможности различного толкования универсальных ценностей на основе различных культурных традиций [5, с.55].

Если же коммуникативное действие не выходит на уровень обсуждения правомерности претензий его участников на значимость и универсальность своих высказываний, оно продолжается в рамках дискурса, освобождающего одну из сторон диалога от необходимости

совместной с другими «практики обсуждения и оправдания» (Ю. Хабермас) своих претензий на значимость. Такой дискурс известен как ориентализм, предусматривающий универсальность европейских (и шире – западных) ценностей и не предусматривающий дискурсивную проверку этой универсальности совместно с другими участниками диалога. При этом «уважение человеческого достоинства, свобода, демократия, равенство, правовое государство и соблюдение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинству» определяются как ценности, на которых основан Европейский Союз и которые являются общими для государств-членов [3, Статья 2]. Их общность для других должна ещё быть «принята или отклонена в процессе аргументативной деятельности». Но, как удобно исключить Другого из дискурса собственных ценностей, классифицировать его как Чужого и на этом основании отказаться от «обсуждения и оправдания» своих претензий на значимость. И, более того, сохранять этого Чужого в качестве последнего аргумента в пользу таких претензий. Диалог с Другим невозможен потому, что он – Чужой. Диалог с Другим не нужен, потому что в качестве Чужого он освобождает «нас» от обязательства ставить под сомнение проблематичную претензию на значимость «наших» высказываний путём «настойчивого поиска таких прозрений, которые могли бы убедить всех» [13, с. 83]. Как удобно обосновывать значимость европейских ценностей постулируемой универсальностью европейских демократических институтов, которым угрожает практика врагов демократии [14, с. 27]. И вот парадокс – европейцам не нужен Другой как оппонент, диалог с которым и должен убедить его в том, что, например, права человека, как их понимают европейцы, являются универсальными [5, с. 50]. «Например, мы можем утверждать, что некие права на свободу слова универсальны, хотя пока не являются частью других культур. Но это всего лишь утверждение, и оно остаётся таковым до тех пор, пока его не признают другие» [5, с. 50]. Европейцы нуждаются в Чужом, ибо невозможен диалог с тем, кто является источником угрозы их демократическим ценностям, универсальность которых неоспорима потому, что оспаривать её некому.

Ведь ориентализм, по заключению Э. Саида, – это корпоративная институция для контакта с Востоком посредством формулирования и узаконивания определенных утверждений о нем [9, с. 13]. Это –

речевые практики, с помощью которых Запад описывает Восток, а затем, исходя из этого описания, общается с ним. Ориентализм выступает той суммой ограничений, которая обуславливает мысли и действия, связанные с Востоком и которая детерминирована «целой сетью интересов» [9, с. 14]. Западу выгодно иметь дело с тем Востоком, который он сам для себя описывает, поскольку это позволяет Западу обосновать свое доминирование над ним. Как это ни парадоксально, замечает Э. Саид, но в ориентализме Восток – это «полное отсутствие» и «непостижимое молчание». Ведь осмысливается он не в диалоге, а в процессе одностороннего обмена: пока ориенталы разговаривали и действовали, европейцы наблюдали за ними и все записывали [9, с. 211]. А сами ориенталы – это не граждане, и даже не люди, а проблемы, подлежащие решению, сужению, или же, по мере того, как западные государства претендовали на их территорию, – присвоению [9, с. 269]. Поэтому, если ориентал открывает рот, то он, скорее всего, – «агитатор, создающий трудности» и «оскорбляющий западные демократии». Поэтому «мы» отказываем в независимости «им» – жителям ориентальной страны, поскольку мы знаем эту страну и в каком-то смысле она существует такой, какой мы ее знаем [9, с. 48].

Не в этом ли кроются истоки парадигмы несостоявшихся государств, основывающейся на «представлении США о самих себе как о незаменимой нации» и оправдывающей «настойчивое цивилизаторское рвение» США по отношению к «слабым и несостоявшимся государствам» классификацией их в качестве «рассадников терроризма, очагов регионального хаоса, преступности, болезней и деградации окружающей среды»? Майкл Дж. Мазарр аргументирует целесообразность для США отказа от «цивилизаторской миссии» по отношению к таким государствам тем, что «указанные опасности никогда не были уникальным свойством слабых государств» и, более того, «никогда не существовало логически последовательного набора факторов, которые определяют несостоявшиеся государства». И тут же заключает: «Когда миру надо решать вопросы, связанные со слабыми государствами, Соединенным Штатам следует полагаться на постепенное улучшение ситуации через предоставление постоянной, долгосрочной поддержки и консультаций, основываясь на таких

действиях, как прямая экономическая помощь с учетом местных потребностей; обучение, обмены и другие программы развития человеческого капитала; связи между военными, политика торговли и инвестиций и так далее» [6]. Э. Саид называет это «логикой ориентализма»: поскольку в онтологическом плане мы не можем стереть Восток с географической карты мира, мы должны найти способ овладеть им и изменить его, ведь Восток сам никогда не меняется и является чем-то «абсолютно другим», чем Запад. Достигается это посредством «пренебрежительной оценки», помещающей «все ориентальное в класс, суд, тюрьму либо учебник для пристального исследования, изучения, осуждения, исправления либо управления» [9, с. 58, 266].

Исторически «логика ориентализма» была детерминирована «масштабными политическими интересами» трёх великих империй – британской, французской и американской, одержимых цивилизационной миссией по отношению к «заморским территориям», миссией, которая оправдывалась ими, их цивилизационным превосходством и «особенной культурной центральностью» [8, с. 26]. «С начала девятнадцатого века и до самого конца Второй мировой войны Франция и Британия доминировали на Востоке и в ориентализме; после Второй мировой войны доминировать на Востоке стала Америка, и она делает это так же, как делали когда-то Франция и Британия» [9, с. 15]. При этом, замечает Э. Саид, ориентализм и сегодня пользуется «репрезентациями Востока», то есть такими его трансформациями, которые должны сделать Восток понятным для Запада посредством обоснования «неизгладимого различия между западным превосходством и восточной отсталостью» [9, с. 60]. Вещи, на которые тут следует обратить внимание, пишет Э. Саид, – это стиль, обороты, повествовательные приёмы, а не правильность репрезентации или её соответствие оригиналу. Эти обороты формируют перцепцию и виды взаимодействий между Востоком и Западом, они обеспечивают последнему устоявшееся восприятие первого, восприятие, при котором новое на Востоке рассматривается как повтор или варианты того, что известно ранее. Благодаря этим стилям и речевым оборотам Запад и получает возможность не только говорить от имени Востока, но и господствовать над ним, оставляя его чем-то

фиксированным для своих потребностей [9, с. 36, 145]. Вот и получается, что «коварные китайцы, полуголые индусы и пассивные мусульмане» описываются как стервятники, которые кормятся «нашими» подачками, и проклинаются, когда мы их «теряем» [9, с. 144].

Дополнением к современным/традиционным идеям ориентализма Э. Саид считает тезис о том, что, хотя западный потребитель и находится в меньшинстве, он имеет право владеть и распоряжаться большей частью мировых ресурсов по той простой причине, что он, в отличие от ориентала, является настоящим человеком [9, с. 145]. Показателен в этом контексте пример Ливии. Речь не о нефти. Превращение этой страны в «территорию хаоса», по заключению А. Никишина, объясняется во многом и таким фактором современной геополитики, как контроль над пресной водой [7]. На юге Ливии располагаются четыре гигантских подземных водных резервуара, содержащие около тридцати пяти тысяч кубических километров (!) воды. Начиная с 80-х годов прошлого столетия полковником Каддафи реализовывался грандиозный проект, внесенный в Книгу рекордов Гиннеса – «Великая рукотворная река». Проект предусматривал создание сложной сети водоводов, которая снабжает пустынные районы и побережье Ливии водой из Нубийского водоносного слоя. Этот проект, заключает А. Никишин, мог произвести настоящую «зеленую революцию» в Африке без единого цента от МВФ и других транснациональных корпораций, которые чрезвычайно активны в приватизации воды, осуществляемой исключительно по линии Всемирного банка. Кроме Ливии, О. Никишин приводит пример Южного Судана, в котором в 1984 году Всемирный банк и МВФ блокировали окончание строительства канала, который бы способствовал осушению болот Судд и мог превратить в цветущий сад засушливые районы Египта и Судана. «По существующей схеме в регионе сначала возникли сепаратистские проявления, быстро переросшие в гражданскую войну и распад единого государства» [7]. Далее, пресная вода была и остается одним из силовых методов давления и на Сирию для решения задач Запада. Это и аннексия Израилем Голанских высот, где с момента своего основания САР располагала одним из крупных источников пресной воды – Тивериадским озером (о. Кинерет). (По некоторым оценкам, треть потребляемой в Израиле питьевой воды поступает именно с Голанских высот.) И контроль над



большинством водных источников в Сирии со стороны ИГИЛ, что совместно с Турцией, прекратившей в апреле 2014 года подачу воды Евфрата в «озеро Асада», во многом позволяет регулировать с помощью воды поток беженцев из Сирии и Ирака в Европу.

Как заключает Э. Саид, ориентализм нельзя понять, не беря во внимание тот факт, что отношения Запада и Востока – это «отношения силы, доминирования, разнообразных степеней сложной гегемонии» [9, с. 16]. Восток и был «ориентализован» потому, что его можно было заставить быть ориентальным, быть таким, как он существует в воображении Запада; таким, как это нужно Западу ради сохранения своего доминирования над ним. Поэтому ориентализм – это не просто структура выдумок и мифов Запада о Востоке, которая рассеется в тот момент, когда о них будет сказана правда. Это не европейская фантазия о Востоке, а созданный усилиями многих людей корпус теории и практики, в который вложены (и вкладываются!) значительные материальные инвестиции. Это – неразрывная дуга знания и силы, объединяющая европейского или западного правителя и ориенталиста, которые и сегодня могут опереться на авторитет своей нации, подпёртый системой силы [9, с. 17–18, 139]. Быть ориенталистом – поэтому означает, между прочим, осознавать, что ты принадлежишь к государству, которое имеет на Востоке вполне определенные интересы, и, более того, влиять на их формирование. Ориентализм – это распределения определенного геополитического знания между эстетическими, научными, экономическими, социологическими и филологическими текстами, которые создают и поддерживают определенные интересы Запада в отношении Востока, намерение первого «контролировать, подчинять или даже инкорпорировать» мир последнего на том простом основании, что он отличен от мира Запада [9, с. 25, 266]. Вот почему европейское (и шире – западное) понимание Востока давно превратилось из чего-то сугубо текстуального и созерцательного во что-то административное, экономическое и даже военное [9, с. 274]. А дискурс ориентализма является не простыми умственными упражнениями, а напряжёнными социальными соревнованиями, включающими в себя такие конкретные политические проблемы, как иммиграционные законы, правовые нормы индивидуального поведения, законодательное урегулирование насилия и мятежа, характер и содержание образования, направление

внешней политики, имеющей дело с определением официальных врагов [9, с. 429–430]. Но главный вывод, который следует из размышлений Саида об ориентализме, заключается в том, что ориентализм не просто связан с «диспозицией силы и бессилия» [9, с.430]. Он и есть этой диспозицией силы Запада и бессилия Востока, обусловленной лишением Востока «права участия» в эксплуатации своих природных ресурсов в собственных интересах и, как следствие, в «аргументативной деятельности» по проверке претензий Запада на универсальность своих ценностей.

Возможен ли в этих условиях диалог цивилизаций? Как ознакомление с традициями и культурным наследием других народов – да. Как инструмент отказа от «этического обоснования односторонних действий ссылками на мнимо универсальные ценности собственной политической культуры» [14, с. 177] или же как «аргументативная форма», препятствующая «тому, чтобы некоторые <...> внушали или даже приказывали другим то, что хорошо для них» [12, с. 113], – нет. Ведь, «то, что передается через культурный дискурс и обмен в рамках культуры, это не «истина», а репрезентации» [9, с. 36]. Репрезентации Востока Западом таким, каким он (Запад) его создал. Причем не только при помощи речевых, но и финансово-экономических практик. И Западу важно сохранить Восток в том виде, в каком он его устраивает – как неспособный к самостоятельному промышленному развитию и государственному строительству (ведь все это предполагает национализацию и природных ресурсов, и собственности транснациональных корпораций). Но при этом, как изобилующий «романтическими историями и экзотическими созданиями» (Э. Саид), а еще характеризующийся «чувственностью, склонностью к деспотизму, искаженной ментальностью, склонностью к неточности и неаккуратности, отсталостью» [9, с. 267]. Отсюда – так называемое «превентивное вмешательство», базирующееся на стратегии долговременного присутствия западных демократий в экономической и политической жизни своих бывших колоний. И предусматривающее, согласно теории зависимости, разграничение двух видов буржуазии – национальной, стремящейся взять под свой контроль природные богатства своей страны, и компрадорской, готовой открыть экономику страны для внешнего вмешательства в обмен на получение материальных благ [1, с. 166–167]. «Сегодня, – подмечает

Э. Саид, – ориенталист пытается рассматривать Восток как имитацию Запада, как регион, который <...> может улучшить свое положение лишь в том случае, если его национализм «будет готов договориться с Западом»» [9, с. 416].

Возможно ли изменение сложившейся в мире «диспозиции силы и бессилия»? Вопрос риторический. Но без его решения диалог цивилизаций не станет «благозвучием», предполагающим совместное с другими создание и согласование новых универсальных значений, которое, в свою очередь, требует исходить из того, что, во-первых, – различие не есть синоним враждебности, а универсальность не тождественна унификации. Во-вторых, – что попытки классификации и иерархизации «других» изначально непродуктивны, бессмысленны и в чём-то комичны. И, в-третьих, – что настойчивое повторение, что «наша» культура или страна – это «номер один» [8, с. 467], вряд ли получит «одобрение со стороны всех заинтересованных лиц как участников практического дискурса» [12, с. 146]. Как нормативная модель построения новой мировой архитектуры, диалог цивилизаций позволил бы упредить превращение диалога в простой способ информирования европейцами (и Западом в целом) Других о значимости и универсальности своего видения устройства мира. Иными словами – лишил бы Запад претензии на собственную универсальность за счет отказа ему в абстрактном универсализме как «универсализме того, у кого в руках окажется больше власти» [5, с. 56]. Ведь подлинный универсализм, как признаёт Ю. Хабермас, «побуждает децентрировать собственную перспективу, он заставляет признать относительность собственного взгляда в перспективе «иной позиции»» [14, с. 37–38]. Иными словами, универсализм означает не столько «разумную всеобщность», сколько равное уважение и равное право каждого на индивидуальность, право Другого «быть другим» [14, с. 28–29]. Да, в Статье 3 упомянутой выше «Глобальной повестки дня для диалога между цивилизациями» отмечается «признание права представителей всех цивилизаций сохранять и развивать свое культурное наследие в рамках своего общества» [2]. Но тут главное не забывать об экономическом подспорье этого права: «... естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства» [4, с. 91]. Без учета этого

нюанса диалог цивілізацій неизбежно утрачивает свое благозвучие (эвфонию) и становится благоречием (эвфемизмом), призванным скрыть тот факт «что любой универсалистский дискурс является всего лишь прикрытием для частных интересов» [14, с. 181].

---

1. Бодуен Ж. Вступ до політології / Жан Бодуен; [Пер. з фр. О. Маршутенко]. – К. : Основи, 1995. – 174 с.

2. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peace/culture/dialogue.shtml>

3. Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566557/1/#friends>

4. Едрихин А.Е. Геополитика и геостратегия / А.Е. Едрихин. – М. : Кучково поле, 2002. – 272 с.

5. Керни Р. Диалоги о Европе / Роберт Керни; [Пер. с англ.]. – М. : Весь мир, 2002. – 320 с.

6. Мазар Дж. Майкл. Расцвет и упадок парадигмы несостоявшихся государств [Электронный ресурс] / Майкл Дж. Мазар. – Режим доступа: <http://polismi.ru/politika/sled-anakondy/429-rastsvet-i-upadok-paradigmy-nesostoyavshikhsgosudarstv.html>

7. Никишин А. Губят людей не бомбы, губит людей вода: Вода, как основной геополитический фактор [Электронный ресурс] / Александр Никишин/ – Режим доступа: <http://x-true.info/32648-gubyat-lyudey-ne-bomby-gubit-lyudey-voda-voda-kak-osnovnoy-geopoliticheskiy-faktor.html>

8. Саїд Е. Культура й імперіалізм / Едвард Саїд. – Київ: Критика, 2007. – 606 с.

9. Саїд Е. Орієнталізм / Едвард Саїд; [Пер. з англ. В. Шовкун]. – Київ: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. – 511 с.

10. Стоун Д. Парадокс політики. Мистецтво ухвалення політичних рішень / Дебора Стоун; [український переклад Олександра Буценка]. – Київ: Видавничий дім «Альтернативи», 2000. – 304 с.

11. Хабермас Ю. Комунікативна дія і дискурс – дві форми повсякденної комунікації / Юрген Хабермас // Ситниченко Л.А. Першоджерела комунікативної філософії: навч. посібник для студ. гуманіт. спец. вищ. закладів. Міжнародний фонд «Відродження». – Київ: Либідь, 1996. – С. 84–90.

12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Юрген Хабермас; [Пер. с нем. Под ред. Д.В. Скаядиева]. – СПб. : Наука, 2000. – 377 с.

13. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации / Юрген Хабермас // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 год). – М. : Наука, 1992. – С. 80–104.

14. Хабермас Ю. Расколотый Запад / Юрген Хабермас; [Пер. с нем.]. – М. : Весь Мир, 2008. – 192 с.